

ВИШНЕВСКИЙ
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

профессор
департамента
дисциплин частного
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
доктор юридических
наук

О БАЗИСНОЙ — ИДЕАЛЬНОЙ — СТРУКТУРЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

В настоящей статье предпринята попытка нетрадиционного взгляда на банковскую систему. Автор считает недостаточным классический подход, когда в качестве элементов банковской системы рассматриваются только кредитные институты и регулятор, поскольку только банки и регулятор не могут создать банковскую деятельность без клиента, который почему-то не рассматривается в качестве элемента системы. Рабочая гипотеза автора состоит в том, что изначальное состояние банковской системы внутренне непротиворечиво, ее элементы не противостоят друг другу, будучи уравновешенными исключительно законодательными запретами и ограничениями, но сотрудничают друг с другом. По мнению автора, именно такая банковская система должна быть стратегической целью банковского регулирования, которое до сих пор сводилось только к «высокопрофессиональной реакции на кризисные явления» в финансовой сфере, а соответствующие исследования должны быть мульти- и междисциплинарными.

Ключевые слова: банковская система, сбалансированная банковская система, базисная структура банковской системы, стратегия банковского регулирования

П оделиться некоторыми мыслями на обозначенную тему меня побудили или даже спровоцировали два обстоятельства.

Во-первых, сама футуристическая тематика номера оправдывает рассуждения, которые иначе могли бы быть подвергнуты уничтожающей критике в качестве «банковского идеализма».

Во-вторых, на некоторые размышления навел и ряд публикаций об... идеальной банковской системе.

ALEXANDER A.
VISHNEVSKIY

Professor of Private Law
at National Research
University "Higher School
of Economics", LLD

ON INITIAL — IDEAL — STRUCTURE OF THE BANKING SYSTEM

This article attempts to take a non-conventional view on the banking system. The author considers the conventional view to be insufficient as the banking system is seen as a combination of banks and regulators but banks and regulators alone are unable to create any banking activity without the client they are usually “out of picture” of the banking system. The author’s approach is that the “initial state” of the banking system is non-contradictory, its elements are not in opposition to each other under the umbrella of legislative attempts to create an artificial balance between them, but rather they are in cooperation with each other. The author insists that this type of banking system is supposed to be the strategic goal of banking regulation, which so far is limited to a chain of sophisticated responses to crises. To achieve this goal the scholars are supposed to concentrate on a multidisciplinary approach.

Keywords: banking system, balanced banking system, initial structure of banking system, strategy of bank regulation

Но я сразу бы хотел оговориться: мысли, высказанные в настоящей статье, — не утверждения, на которых автор настаивает во что бы то ни стало, а в лучшем случае рабочие гипотезы и, главным образом, попытка обозначить те направления, которые были бы перспективны для теории, науки банковского права.

Начнем с того, что среди различных публикаций, последовавших за финансовым кризисом, появились

в том числе и статьи, посвященные идеальной банковской системе.

Так, согласно одной из концепций, банковская система может рассматриваться в качестве идеальной, если:

— она состоит из средних банков, поскольку такие отличаются в выгодную сторону как от мелких, которые слишком слабы, чтобы противостоять различным

рискам, так и от крупных, которые достаточно сильны, чтобы создать системные риски самостоятельно;

— ее корпоративная структура основана на системе дочерних банковских организаций, а не на сети отделений одного банка, поскольку такая структура представляет собой оптимальный баланс между эффективностью и стабильностью;

— в ней отсутствует китайская стена, разделяющая коммерческий и инвестиционный банкинг, поскольку такое разделение политически несостоительно;

— финансовые продукты подлежат предварительному одобрению регулятора;

— наконец, установлены пруденциальные требования, достаточные для того, чтобы противостоять проблемам и цикличности развития банковской системы¹.

Конечно же, такого рода теории легко могут быть подвергнуты критике и представлены не как идеальные, а как идеалистичные. Но в мою задачу не входит оценка собственно этих теорий — я хотел бы обратить внимание на другой аспект: сам факт появления подобных рассуждений и теорий симптоматичен в том смысле, что *объективно отображает попытку компенсировать отсутствие должного внимания к банковской системе в современном банковском регулировании*.

Действительно, если посмотреть под этим углом на историю банковского регулирования за последние несколько десятилетий, становится очевидным, что упор в нем сделан прежде всего на пруденциальное регулирование, т.е. на обеспечение финансовой устойчивости банка.

Так, Базель I — это документ под названием «Международная конвергенция подсчета и стандартов капитала», заложивший основы подхода к подсчету капитала

¹ См.: Aithal S., Kumar S. Concept of Ideal Banking and Realisation of it Using Ubiquitous Banking. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72338/1/MPRA_paper_72338.pdf. См. также: Madhu Sudana Rao. Ideal Banking System // Journal of Business Management & Social Sciences Research. 2013. Vol. 2. № 4; Kapoor S. A simpler, smaller, safer, more diverse and more stable banking system is what we need! URL: [http://re-define.org/sites/default/files/What%20should%20the%20banking%20system%20look%20like\(2\).pdf](http://re-define.org/sites/default/files/What%20should%20the%20banking%20system%20look%20like(2).pdf) (дата обращения: 12.12.2019).

банков для целей пруденциального регулирования. Базель II имеет то же название, и хотя справедливости ради следует отметить, что, начиная с Базеля II, регулирование не ограничивается только пруденциальными вопросами (Базель II говорит о «трех опорах» (*three pillars*) банковского регулирования, когда помимо пруденциальных требований устанавливаются правила о поведении банков на рынке (*market discipline*), наряду с характеристиками банковского надзора), но этим вопросам уделяется куда меньше внимания, чем пруденциальному регулированию, так что и трехколонная система Базеля II еще не дает оснований говорить о системном подходе.

Базель III при всей изысканности его разработок опять же главным образом направлен на усиление финансовой устойчивости банка, вводя новые инструменты, например буферы капитала.

Но при этом создается впечатление, что банковское регулирование представляет собой попытку «усилить банк» — усилить в финансовом смысле, не уделяя должного внимания банковской системе в целом.

Мой тезис состоит в следующем: если обеспечить возможность сбалансированного взаимодействия различных элементов банковской системы, то она сама начнет стремиться к идеальному состоянию. Сбалансированная система просто не умеет себя вести по-другому!

И тут на себя обращает внимание следующее любопытное обстоятельство. Как правило, банковское законодательство не содержит упоминания о банковской системе и не дает ее определения, а если даже и дает, то, во-первых, такое определение не указывает на все элементы системы, а во-вторых, на нем все и останавливается.

Примером второго подхода может служить российское законодательство. Закон о банках и банковской деятельности² определяет банковскую систему как включающую в себя Банк России, кредитные организации, а также представительства иностранных банков

² Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Здесь и далее ссылки на нормативные акты российского законодательства приведены по данным СПС «КонсультантПлюс».

(ст. 2). Такое определение — не более чем простое перечисление тех организаций, которые непосредственно (комерческие банки), либо политически (Банк России), либо «футуристически» (представительства иностранных банков, принципиально рассматривающих вопрос о возможности выхода на российский рынок в будущем) вовлечены в оказание банковских услуг. Но это не система! Почему? Потому что если она ограничивается только этими элементами, то банковской деятельности не получится: Банк России и коммерческие банки банковскую деятельность не создадут — нужен еще, на всякий случай, клиент.

Это поразительно: без клиента никакой банковской деятельности быть не может, но законодателю и в голову не приходит, что он является одним из важнейших элементов банковской системы!

Поговорим о ключевых статусных элементах банковской системы.

Начнем с собственно банка.

Даже при современном подходе законодателя к банковской системе, когда, как уже указывалось, практически отсутствует ее структурированное понятие, банк (комерческий банк) бесспорно является ее элементом. Проблема здесь состоит в правильном понимании сути современного банка (или кредитной организации, или кредитного института — для целей настоящей статьи разница лишь терминологическая) и закреплении соответствующего этому пониманию его (банка) правового статуса.

Традиционно в банковском праве банк понимается как коммерсант, ведущий банковский бизнес. Но очевидно, что наряду с этим банк выполняет и публичные функции.

Чтобы не вдаваться в многочисленные примеры, достаточно упомянуть хотя бы борьбу с отмыванием денег и уклонением от уплаты налогов, нашедшую свое юридическое закрепление не только в российском законодательстве, но и на международном и европейском уровне. Так, в банковском праве ЕС начиная с 1991 г. принимаются «антиотмывочные директивы», возлагающие на банки задачи по отслеживанию подо-

зрительных операций, идентификации клиентов и т.д. на основе главным образом рекомендаций ФАТФ (*Financial Action Task Force*) как одного из источников современного «мягкого» банковского права. Кроме того, Директивой 2003/48/ЕС³ на банки возложена задача автоматического информирования компетентных органов о ряде операций (причем вполне законных), с тем чтобы исключить уклонение от уплаты налогов. Эти примеры можно продолжить, но в мою задачу не входит их всестороннее освещение — очевидно, что они подтверждают выполнение банками публичных функций.

При таких обстоятельствах, пока банк понимается как коммерческая организация — что, в свою очередь, предполагает (опять же по логике современного законодательства) получение прибыли в качестве основной цели деятельности, — система находится не в балансе, а в напряжении. Действительно, в этом случае существует противоречие, при котором выполнение публичных функций воспринимается как навязанная банку извне задача, не соответствующая его природе.

Сбалансированный подход становится реальным, если честно признать, что в современном мире (это относится не только к России, а именно ко всему миру) банки уже не являются классическими коммерсантами, а стали организациями как минимум двойственной природы — одновременно и коммерсантами, и публичными агентами, и выполнение публичных функций является такой же естественной функцией банка, как и получение прибыли. Любопытно, что в экономической литературе уже давно существуют подобного рода «признания»⁴, но в литературе юридической, а особенно в банковском законодательстве, этот аспект в понятии, в определении банка отсутствует. Получается то самое противоречие, о котором мы только что говорили, когда при понимании банка как коммерсанта «навязанные» ему публичные функции выглядят как имплицитно противоречащие его «истинной» природе. А с точки зрения научных задач это означает, что нужны исследования, носящие междисциплинарный характер.

³ Директива Совета ЕС от 03.06.2003 № 2003/48/ЕС «О налогообложении дохода от накопления сбережений в форме выплаты процентов».

⁴ Из доступных на русском языке источников уместно сослаться, например, на: Уэрто де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.

Надо сказать, что в современном мире все сильнее набирает обороты представление о бизнесе как процессе, который не сводится к получению прибыли, но преследует и социальные функции, а при решении бизнес-задач ставит далеко не на последнее место моральные ценности; при этом ни один из этих компонентов не рассматривается как противоречащий другому. Куда более продуктивно вместо акцентирования внимания на противоречии между коммерческой сущностью банка и выполнением им публичных функций заметить то, что, по выражению одного из банковских топ-менеджеров в Северной Каролине, «без успешного общества не может быть успешного банка»⁵. Не лишне в связи с этим вспомнить и о том, что банк занимается извлечением прибыли в финансовой системе, которая по своей сути не может служить исключительно частным интересам, — это финансовая система государства, и как таковая она служит целям прежде всего публичным. Отсюда выполнение банком публичных функций — это не навязанная извне чуждая ему роль, а прямое следствие деятельности в финансовой сфере. Не пора ли это признать на законодательном уровне и формировать представление о банкире соответствующим образом? Это может привести к более успешным результатам в построении идеальной банковской системы, чем изобретение продвинутых средств снятия противоречий в ней.

Второй важнейший структурный элемент банковской системы (как она была обозначена нами) — это клиент.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что банковский законодатель не уделил внимания клиенту, — уделил, причем, очень серьезное. Но столь же очевидно, что регулирование вопросов, связанных с клиентом, нацелено в первую очередь на выравнивание договорной диспропорции в банковско-клиентских отношениях и отчасти информационной.

Выравнивание договорной диспропорции осуществляется прежде всего через введение обязательных требований к содержанию соответствующих договоров, ограничение договорной свободы в банковско-клиентских отношениях (прежде всего для банка).

⁵ Lowary J. The Obligation of a Banker // Bank Director. 2019. Vol. 29. Iss. 1.

Но это, в сущности, полумера: история гражданского и коммерческого оборота вполне может похвастаться богатым опытом, когда, например, изобретаются новые, изысканные договорные формулировки, позволяющие обойти установленные ограничения. Даже если такой обход возникает только на время, он все равно создает напряженность в банковской системе, поскольку сам по себе провоцирует на изобретение договорных способов обхода ограничений, пока они остаются сугубо договорными.

Гораздо большая стабильность возможна в том случае, когда за клиентом признается *статус как величина более постоянная, нежели просто набор прав и обязанностей по договору*, статус как такой набор прав и обязанностей, который относительно стабилен и независим даже от договора между клиентом и банком, сквозь призму которого должны толковаться и оцениваться сами договорные положения.

Опять же показательно, что исторические традиции развития института клиента в различных национальных системах банковского права, а впоследствии и на европейском уровне уже позволяют обозначить в общих чертах набор статусных характеристик клиента банка. К числу таких можно отнести категоризацию клиентов, т.е. признание того явного факта, что деления клиентов только на потребителей (физических лиц) и остальных в современных условиях уже недостаточно, требуется учет и ряда других показателей, включая опыт работы в банковской сфере, характер их предпринимательской деятельности и др. Наряду с этим поставлен вопрос об общих правилах, которые относятся к договорам с клиентами, а также к рекламе и к маркетингу банковских услуг. Наконец, что немаловажно, наряду с признанием клиента как слабой стороны и закреплением за ним в связи с этим определенного минимума гарантий, в том числе права на получение базисных банковских услуг, современное банковское право устанавливает препятствия для не только недобросовестного, но и неразумного поведения клиента, а параллельно предусматривает средства «повышения силы», т.е. финансовой грамотности потребителя, поскольку бесконечная защита слабой стороны, по сути, проблемы не решает.

Интересно, что картина выглядит «гармонично», поскольку статус клиента предстает не как максимально возможное расширение его прав по отношению к бан-

ку, а стремится к сбалансированному набору прав и обязанностей, который, с одной стороны, не позволяет банку злоупотребить своими договорными возможностями, а с другой — ставит заслон на пути клиентского, в том числе потребительского экстремизма. Каким образом определить и реализовать конструкцию статуса клиента в российском банковском праве (где, кстати, статусу клиента в целом уделено внимание, но явно недостаточное и не до конца последовательное) — это еще одна задача юридической футуристики. Впрочем, современное сравнительное банковское право предлагает для ее решения немалое количество интересного материала, дело лишь за тем, чтобы грамотно — что означает прежде всего опять же сбалансированно (!) — перенести на российскую почву те достижения, которые уже имеют место в других банковских системах. Хорошие наработки существуют, например, в банковском праве Англии — и это понятно, поскольку английское банковское право традиционно формировалось не как банковское регулирование (в отличие от континентального и американского подходов), а как договорные отношения между банком и клиентом, а прецедентное право, особенно если посмотреть на него в исторической перспективе, дает примеры поиска баланса интересов банка и клиента — причем с учетом категории клиента (о чем мы уже сказали выше) с помощью, к примеру, конструкции предполагаемых условий договора. Иной подход к решению этих вопросов выработан в банковском праве Германии, где, в частности, действует судебный контроль за общими условиями банковских сделок, что соответствует национальным традициям, сложившимся в немецкой бизнес-среде. Во Франции эти вопросы в значительной степени решались через государственное регулирование — также с учетом национальной особенности развития французской банковской системы, когда большинство банков принадлежало государству.

Какова российская модель идеальных банковско-клиентских отношений? Можем мы говорить о такой национальной модели? Или о путях ее формирования? Полагаем, что российское банковское право и практика банковско-клиентских отношений уже накопили достаточно проблемного материала в этом направлении, который может быть представлен в относительно систематичном виде, например в разделе банковского кодекса (ведь мы рассуждаем футурistically), посвященном статусу клиента.

Наконец, о регуляторе.

К началу XXI в. стала очевидной неэффективность раздельного регулирования трех секторов финансового рынка — банковского, страхового и рынка ценных бумаг. На смену такому подходу пришла тенденция к интеграции регулирования, а вслед за ней в банковских системах проявилась тенденция к соединению регулятивных функций в одном органе — мегарегуляторе, что представлялось более результативным, чем организация взаимодействия трех различных органов.

Так, в ФРГ в 2002 г. Федеральный банковский надзорный офис, Федеральный офис по надзору в сфере рынка ценных бумаг и Федеральный офис по надзору за страхованием были объединены в Федеральное финансовое надзорное ведомство — БаFin (*Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht*). В Великобритании по Закону о финансовых услугах и рынках 2000 г. было создано Управление финансовых услуг (*Financial Services Authorities*), просуществовавшее с 2000 по 2013 г., в полномочия которого входили как выдача лицензий на осуществление регулируемых видов деятельности, так и осуществление контроля и надзора за деятельностью банков, а также издание нормативных актов по вопросам банковской деятельности (в терминологии английского банковского права — деятельности по принятию депозитов).

В создании мегарегуляторов проявился институциональный аспект интегрированного подхода к регулированию финансовых рынков, но наряду с этим заявил о себе и функциональный аспект — стремление соединить в одном компетентном органе макро- и микрорегулирование финансового рынка.

Макрорегулирование представляет собой воздействие центрального банка на банковскую систему экономическими методами, например изменением своей ставки, что влечет изменение ставок и связанные с этим последствия по всей банковской системе. Под микрорегулированием традиционно понимается регулирование отдельно взятых, «каждых конкретных» банков в ходе осуществления банковского регулирования и надзора. Поскольку невозможно представить ситуацию, при которой мегарегулирование осуществляется не центральным банком, то вопрос, по сути, стоял о наделении его административными — регуля-

торными и надзорными — полномочиями в банковской системе.

Принципиально такая ситуация существовала и раньше, но с конца прошлого века стало модным разделять полномочия в сфере банковского регулирования и надзора, выводя административную часть из компетенции центральных банков, поскольку считалось, что последние не должны быть перегружены администрированием, а должны воздействовать на банковскую систему исключительно экономическими методами. Но со временем стали проявляться и минусы такого подхода, связанные с тем, что центральный банк не может достаточно эффективно выполнять свою роль, будучи полностью лишенным административных полномочий. Следствием этого явились различные пути усиления связи между макро- и микрорегулированием банковской системы. Иногда это могло выражаться в усилении взаимодействия между центральным банком и административным регулятором банковской системы — по такому пути пошла, например, ФРГ, принявшая в 2009 г. Закон о взаимодействии Бундесбанка и БаFin. Другой моделью стало наделение собственно центрального банка административными полномочиями в банковской системе. Такая ситуация характерна для Великобритании, где Управление финансовых услуг было упразднено (его функции в части непруденциального регулирования и надзора были переданы Управлению финансового поведения — *Financial Conduct Authority*), а собственно регулирование и надзор перешли к Банку Англии, в структуре которого было образовано Управление пруденциального регулирования (*Prudential Regulation Authority*).

Создание модели, при которой происходит полная функциональная интеграция, т.е. все функции по регулированию банковской системы сосредоточиваются в центральном банке, на первый взгляд представляется наиболее последовательным в свете достижения единства регулирования.

В связи с этим показательно, что наиболее последовательно такая модель реализована именно в Великобритании. Одной из особенностей банковского права Англии является то, что в течение длительного времени Банку Англии формально не были предоставлены регулирующие и надзорные полномочия

в банковской системе, но сложившаяся практика деловых отношений и экономическая целесообразность приводила к такой его роли *de-facto*, при этом осуществлялась такая роль достаточно мягко, с учетом традиций Лондонского Сити. Другими словами, в этой стране отсутствовали традиции жесткого административного регулирования или давления со стороны центрального банка. Но даже при таких обстоятельствах с появлением мегарегулятора в Великобритании позаботились о создании эффективного противовеса широким полномочиям Управления финансовых услуг, а впоследствии — возросшим административным полномочиям Банка Англии. В частности, статутное право предусматривало возможности обжаловать решения мегарегулятора в специализированном трибунале, который на 50% состоит из профессионалов банковского сообщества, кроме того, в самой структуре Банка Англии в соответствии с рекомендациями казначейства существует функционально независимый комитет, принимающий решения в отношении тех случаев, когда фирма или индивид, в отношении которого вынесено решение Банка, не согласен с таким решением. В состав комитета назначаются лица, статус которых в обществе обеспечивает их независимость от влияния Банка Англии⁶. Важно и то, что «в большинстве случаев результаты рассмотрения дисциплинарных казусов оговариваются в соглашении (курсив мой. — А.В.) между Банком Англии и соответствующей фирмой или индивидом»⁷, что в очередной раз напоминает об отсутствии жестких административных традиций в регулировании банковской системы. Сравнивая ФРГ и Великобританию, можно сказать, что сбалансированность в банковской системе при наличии в ней мегарегулятора обеспечивается при разделении надзорных полномочий и полномочий применения санкций, что в ФРГ достигается разделением самих этих органов с обязанностью БаFin проводить консультации с Бундесбанком при принятии соответствующих решений, а в Великобритании — путем функциональной разделенности внутри самого центрального банка.

⁶ См., напр., об этом публикацию на официальном сайте Банка Англии: Appointment of members of the Enforcement Decision Making Committee. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/news/2018/august/appointment-of-members-of-the-enforcement-decision-making-committee> (дата обращения: 12.12.2019).

⁷ Там же.

Совсем другая ситуация складывается, когда центральный банк начинает выполнять функции мегарегулятора, максимально соединяя в своем лице как экономические, так и административные полномочия, в стране, где сильны именно административные традиции в регулировании финансовой системы. В этом случае банковская система может претендовать на сбалансированность только при наличии эффективного органа оспаривания решений мегарегулятора.

Но судебная система — далеко не самый эффективный механизм для оспаривания таких решений. И это в настоящее время та сфера, где научные исследования, в первую очередь сравнительно-правовые и даже междисциплинарные, могли бы создать научную платформу для последующего формирования разумной политической воли.

Попробуем подвести итоги этих футуристических рассуждений.

Взгляд на историю банковского регулирования подводит к мысли, что в основе его — реакция на череду банковских кризисов, вследствие чего основной упор сделан на усиление финансовой устойчивости банка. Но такой подход недостаточен в принципе, и в конечном итоге кризисы возникают вновь, только на ином уровне, с другими, более высокими цифрами, а значит, с еще более болезненными последствиями.

Представляется методологически неверным банковское регулирование, концентрирующее внимание главным образом на банке (кредитном институте) и не учитывающее в должной мере логику развития банковской системы в целом. Куда более обещающей выглядит перспектива, когда регулятор и законодатель четко представляют, что такая сбалансированная банковская система, а ее различные элементы представлены не как оппонирующие друг другу, но кооперирующие друг с другом.

Почему бы не сделать научную попытку применить подходы знаменитой «Теории справедливости» Рол-

за⁸ к банковской системе? Это выглядит перспективным по ряду причин. Обратим внимание, по крайней мере, на одну из них. Очевидно, что в последнее время в правовую сферу проникают конструкции, которые традиционно рассматривались как находящиеся за пределами права, в области этических категорий. Таковы, например, «добросовестность», «справедливость». Но до тех пор, пока эти категории мыслятся этическими, они не смогут стать эффективными правовыми конструкциями и только будут вносить неопределенность в правовое мышление, которая легко обернется непредсказуемостью при решении конкретных дел. Нам нужно понять юридическое измерение этих традиционно этических понятий, а это, в свою очередь, невозможно в банковском праве без соответствующего осмысливания «структурной справедливости» банковской системы, при которой ее различные элементы рассматриваются не как изначально противоречащие друг другу (и задача законодателя не допустить войны между ними), а как изначально сотрудничающие друг с другом. Поиск этого изначального баланса, этой изначальной базисной структуры — весьма своевременная задача. Любопытно, что процессы в современной банковской системе, в том числе те, о которых мы говорили выше, как раз указывают на существование этой имплицитно невраждебной базисной структуры — мы имеем в виду процессы, в силу которых элементы банковской системы начинают выполнять задачи и роли других элементов этой системы, традиционно мыслившихся несовместимыми (в частности, банк выполняет функции регулятора и должен мыслить интересами клиента⁹). Теория Ролза, на мой взгляд, именно тем и ценна, что не морализирует о справедливости, а пытается понять ее через своего рода базисную структуру, первоначальное положение политической системы. Опять же, мы не говорим о переносе этих положений в банковскую систему, но об осмысливании структуры отношений в банковской системе сквозь

⁸ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts, 1999.

⁹ Вспоминается разговор с менеджером одного из ведущих английских банков, состоявшийся уже достаточно давно, порядка двадцати лет назад, в котором он сказал: «Мы уже не можем конкурировать друг с другом экономически, потому что клиент при сложившейся системе может получить такие же услуги по таким же практически ценам и в других банках. То, в чем мы действительно можем конкурировать, — это в сервисе, который мы предоставляем клиенту».

призму ее изначального идеально-невраждебного состояния.

Таковы некоторые иные взгляды на традиционные институты, взгляды, исходящие из поиска базисной структуры банковской системы как системы внутренне непротиворечивой, которые высказаны в этой статье. Я понимаю, что это звучит футуристично, но в данном случае футуристичная перспектива куда более оптимистична, чем перспектива триллера — неизбежная, если те тенденции, которые в банковской системе превалируют сейчас, сохранятся.©

REFERENCES

Aithal, S. and Kumar, S. Concept of Ideal Banking and Realisation of it Using Ubiquitous Banking, available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72338/1/MPRA_paper_72338.pdf (accessed 12 December 2019).

Huerta de Soto, J. Money, Bank Credit, and Economic Cycles [*Den'gi, bankovskiy kredit i ekonomicheskiye tsikly*]. Chelyabinsk, 2008. 663 p.

Kapoor, S. A Simpler, Smaller, Safer, More Diverse and More Stable Banking System Is What We Need!, available at [http://re-define.org/sites/default/files/What%20should%20the%20banking%20system%20look%20like\(2\).pdf](http://re-define.org/sites/default/files/What%20should%20the%20banking%20system%20look%20like(2).pdf) (accessed 12 December 2019).

Lowary, J. “The Obligation of a Banker”. *Bank Director*. 2019. Vol. 29. Iss. 1.

Madhu Sudana Rao. “Ideal Banking System”. *Journal of Business Management & Social Sciences Research*. 2013. Vol. 2. No. 4. P. 134–137.

Rawls, J. *A Theory of Justice*. Revised Edition. Cambridge, Massachusetts, 1999. 562 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Vishnevskiy

Professor of Private Law at the National Research University “Higher School of Economics”, LLD (e-mail: aavishnevsky@hse.ru).